

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№6

26 ИЮНЯ 2013

«ПТИЦА ФЕНИКС ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ» Озёрский театр драмы и комедии «Наш дом»

Наталья Киселёва (член коллегии критиков фестиваля «Колада-Plays»)

Вся эта история устроена для подростков – сейчас эта аудитория вообще забыта. У нас в театрах идут сначала сказки для детей, потом высокое искусство для взрослых, а вот с 10 до 15 лет – абсолютно заброшенная публика. Для них ничего не пишут, для них боятся ставить. Это тот отроческий возраст, когда всё равно, несмотря на какую-то внешнюю жесткость, внутри они абсолютные идеалисты! Поэтому, как ни странно, вот эта Ярославина пьеса, несмотря на свою наивность, действительно их держит. Она оказывается им близка!

Катя Гороховская, идя вслед за Ярославой, ведёт какой-то свой режиссёрский поиск некой наивности. Она намеренно не хочет жёстко выстраивать спектакль, для неё, в первую очередь, важна в спектакле искренность. И поэтому, например, можно упрекать Юлию Баканову (Тосю) в недостаточном развитии роли, но там важнее

другое – ребята в неё влюбляются, они в неё верят. Проблема, которую, может быть, не совсем смогла решить Катя Гороховская как режиссёр – важные моменты решаются не драматургически, а текстово. Они немножко проседают и тогда происходит шуршание в зале и т.п...

Мне очень нравится здесь, конечно же, оркестр! Для меня он становится очень важным действующим лицом и важным двигателем во всей истории. Тем более что он хорошо взаимодействует и с главными персонажами, и не только с ними. Причём видно, что это выстроено, видишь логику этого взаимодействия.

По жанру это сказка для детей и взрослых, но для меня эта сказка всё равно больше для детей. Я очень люблю такие детские спектакли! Конечно, при постановке детского спектакля надо учитывать многое, но должны мы быть и немного выше этого. Я не люблю этаких «однолобых» детских спектаклей. Они должны быть многослойные, нельзя заигрывать с детьми. Мне очень интересен и важен этот спектакль именно своей открытостью и прежде всего искренностью. Лучше наивная искренность, чем жёсткое менторство, которое, к сожалению, очень часто бывает в подростковой аудитории, и в театре в том числе.

Юлия Баканова (Кошка Тося)

Каким было ваше первое впечатление после прочтения пьесы?

Честно, пьеса мне не очень понравилась, история показалась банальной. Девочка, как в фильмах, которые сейчас снимают, приезжает откуда-нибудь из Хасапетовки и становится звездой. Такие у меня были первые впечатления. Но нас Катя Гороховская так заразила, и пьеса понравилась. Тогда роль не показалась близкой, а сейчас – она, наверное, моя любимая.

Между героями любовь или дружба?

Любовь разная бывает, все рассматривают её по-разному, для меня это любовь именно как к другу, а не как к мужчине. Хотя, допустим, у неё может быть любовь к нему как к мужчине, если послушать Фрейда нашего любимого. Но Феликс относится к ней как отец к дочери. Взять, например, фильм, который я специально смотрела, когда готовилась к роли – «Леон».

«ИКОТКА» Театр «ТУРАНДОТ» (г. Москва)

Была у питерской группы «Зимовье зверей» песня с такими словами: «Ночи без мягких знаков, Глухие мужские ночи. Как хочется быть, Как хочется быть Хоть с кем-нибудь, кроме себя...», – вот первое, что приходит на ум после просмотра спектакля Ирины Глебовой.

Одна женщина при помощи трёх Владимиров смогла рассказать историю о мужском одиночестве. Вооружившись пьесой Владимира Зуева, Глебова создала на крохотной сценической площадке скупой холостяцкий мирок. Каждый из героев отгораживается от социума, огораживая пространство красными сигнальными носками (мужики метят территорию, и говорят другим «не подходи, не нужно»). Каждый уверен, что проживёт и в одиночку, что сил хватит. Вот только ни брутальность, ни мечтательность не могут заменить простого человеческого контакта с другим человеком.

Владимир Чуприков и Владимир Жуков – канатоходцы, работающие на завидной профессиональной высоте. На тонкой грани, шагнув за которую можно моментально упасть в пустую клоунату, где хлопотание лицом и переодевания в женщину, возможно, и приглянутся зрителю, но не будут иметь никакого отношения к живому театру. С удовольствием купаясь в зуевском тексте, актёры выстраивают настолько точные отношения друг с другом, что наблюдая за этой битвой двух мастеров, совершенно забываешь про время. Они проводят зрителя через смешное и страшное с одинаковым изяществом. Их персонажи Фёдор Петрович и Сергей Сергеевич – бобыли. В их простой и понятный мужской мир, похожий на боксёрский ринг, с вечным «ты меня уважаешь» и «была у меня одна из...», входят таинственные икотки, пробуждающие уже успокоившихся холостяков от эмоциональной спячки.

Москвичам удаётся выйти за рамки бытовой истории с элементами мистики. Их «Икотка» погрузила в существование любви, о тяге к любви,

о страхе перед любовью и об отказе от неё. А отказ от любви равносителен смерти (физической или духовной – не важно). По Ирине Глебовой, мы не одиноки (на сценическом заднике рукава рубашек наших душ связаны в одну длинную цепочку). Герою Чуприкова кажется, что быть одному проще, тише, просто привычнее. А персонаж Жукова, напротив, продолжает искать родную душу, верит в то, что где-то его ждут. Простое знание, что о тебе кто-то помнит, даёт человеку невероятную силу. Но вот поймать «сигнал», наладить контакт двух икоток способен не каждый.

P.S. Через час после спектакля я начала икать. Просто шла и от этого обычно раздражающего факта улыбалась (кто-то меня да вспомнил – почти привет передал).

Ирина Глебова (режиссёр)

Текст пьесы непрост. Трудно было работать?

Две недели мы не могли выйти из застольного периода. Процесс разбора был мучительным. Мы работали с текстом через действенный анализ: шли от финала пьесы к её началу, проводили своеобразное расследование, вскрывали психологическую подоплёку происходящего, разбирались с персонажами.

Самого автора через его текст тоже раскрыли?

Авторы практически никогда не понимают всей глубины того, что они написали. Когда мы разбирали пьесу с самим Зуевым и я задавала ему вопросы, он часто говорил: «Отстань, я не знаю, что тебе на это ответить». Я препарировала автора прямо у него на глазах. Результатом стал спектакль. Драматург всегда видит результат своего творчества через чужую работу.

Работали ли вы ещё с какими-нибудь новыми драматургами?

Попытки были, но не очень удачные. Я давно очень хотела поставить современную пьесу. И очень хотелось работать именно так, чтобы и самого автора задействовать обязательно: говорить с ним, к разбору материала привлекать. Я прочитала более двухсот пьес и в итоге остановилась на «Икотке». В пьесах Зуева я вижу одну очень привлекательную для меня конструкцию: в тот момент, когда в мире наступает хаос, приходит женщина и ставит всё на свои места. Мне это очень близко.

Над чем хотите работать после «Икотки»?

Сейчас я ишу пьесу о женщине, которая перестаёт слушать мужчину, когда она сама берёт на себя его функции. О таком перевёртыше, очень свойственном нашему времени, я и хочу поставить следующий спектакль.

Мария Зырянова

ВЛАДИМИР ЗУЕВ: Я – разный

Как вы нашли друг друга с театром «Турандот»?

Это они меня нашли. Два года назад, когда эти ребята ещё учились в Щукинском, шёл у них спектакль по моей пьесе «Мамочки». Теперь они выпустились и организовали свой театр «Турандот». Пьесу «Икотка» Ирина Глебова, режиссёр этого спектакля, прочитала в журнале «Современная драматургия», и сделала спектакль по ней, как свою выпускную дипломную работу. Причём, сразу «с прицелом», что это будет идти у них в театре, который они создали, ещё будучи студентами.

Ты каким-то образом принимал участие в постановочном процессе?

Только на вопросы по почте отвечал. И не по поводу самого спектакля, а для каких-то сопроводительных бумаг, которые Ирине необходимо было оформить для получения диплома. Я не знаю, зачем это, я на режиссуре не учился, но их вот заставляют такое делать. Вопросы какие-то странные, например: «В каких социально-политических условиях была написана пьеса?» Честно сказать, я вопроса не понял и ответил, что не знаю, в каких...

«Икотка» не совсем обычное произведение для тебя: чаще в твоих пьесах во главе угла яркие и сильные внешние обстоятельства, война, например... А здесь – внутренний мир человека.

Не совсем обычное... Да я вообще стараюсь, чтобы они были разные! Про войну у меня только две пьесы: «Круговая оборона» и «Мамочки». И то не «про войну», а о пост-военных обстоятельствах: как два одногодки прожили разную жизнь, встретились, и разговаривают, не понимая друг друга – это первая. А «Мамочки» – про единственную мотивированную любовь, матери к ребёнку. Кто её «про войну» хочет ставить – его дело, а я не только об этом писал. Просто так считается: Зуев пишет про войну. Такой стереотип сложился. А это совсем не так.

После «Мамочек» были комедии «Чужие здесь не ходят» и «Агитбригада». Затем монологи: «Детский мир» (от лица женщины) и «Голубь мира» (его продолжение, «мужская» часть). Затем я написал несколько трагикомедий, «Икотка» – среди них.

Я бы не сказал, что это такая уж необычная для меня вещь... А вот, что она мне самому очень нравится, сказал бы. Если в ней находят мистицизм – ради Бога. Главное, чтобы кто-нибудь понял, что в нас во всех, в каждом, с рождения

живёт ребёнок, душа... Она просыпается иногда, и тогда за нами выбор: оставить её жить в этом мире, или нет. Эта пьеса о том, что мы пытаемся по мере взросления забыть. Мы рождаемся, растём, и абсолютно счастливы в состоянии «мама, папа – все рядом»... Нам хорошо. А потом общество или родители, или мы сами – начинают срезать с нас грани.

Как это?

Ребёнок имеет «форму шара», у которого количество граней бесконечно. А их начинают стёсывать... И вот появляются какие-то кубы, пирамиды, многогранники – геометрические фигуры, у которых конечное число граней, их можно пересчитать. Во-от... А потом что-нибудь с нами происходит, и внутри нас просыпается вновь ребёнок, абсолютно счастливый, и мы этого пугаемся. И стараемся его заглушить, заставить замолчать. Ну как же? Я же взрослый, я же жизнь прожил – откуда во мне это?! А ребёнок всегда появляется, когда человек счастлив. Или если ему очень страшно. Это же нормальные, человеческие реакции! Поэтому, если ребёнок жив внутри нас – это здорово.

Расскажи о новых постановках по твоим пьесам.

Всё хорошо. В Костроме делают моноспектакль «Мобильность» по одному из моих новых монологов, там будет играть известный московский актёр Даниил Воробьёв. Я видел интервью с ним, где он говорил про мою пьесу – мне понравилось, как он её понял. Там у них будут какие-то абсолютно мультимедийные декорации... Посмотрим, что получится.

Недавно я написал историческую пьесу, по заказу Свердловского театра драмы, про Елизавету Фёдоровну Романову. На мой взгляд, это тоже получилось, в первую очередь, не «про историю», а о том, что однажды нам приходится делать некий выбор. И, в зависимости от него, дальше наша жизнь строится так, а не иначе. С 1 июля должны начаться репетиции. Как раз сегодня мне сказали, что Владимир Кравцев уже сделал эскиз декорации. В ноябре намечена премьера. Из Пензы попросили у меня пьесу, где много-много женских ролей. И я уже всё придумал! Буду писать летом.

Ты только над этой пьесой сейчас работаешь или...

Я пишу две пьесы. Они, опять же, будут совсем не похожи на предыдущие. Это я стараюсь – для себя. Потому что я – разный!

Беседовала Вера Цвиткис

«МОЙ ПАПА ИИСУС» Презентация пьесы Светланы Баженовой

До начала спектакля держалась интрига: никто не знал, о чём пьеса. Единственное, что было известно, – играют спектакль студенты актёрского курса Николая Коляды.

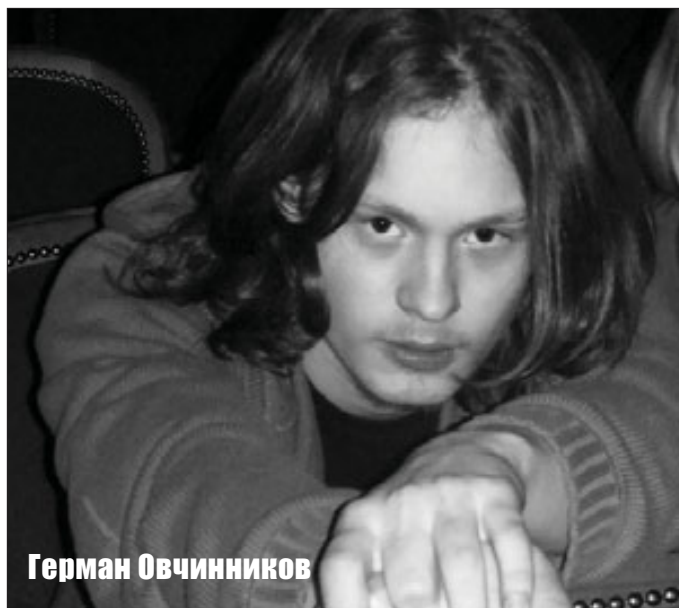
На сцене нет декорации, герои одеты в привычную повседневную одежду. Главное – текст и игра начинающих артистов.

Начинается спектакль с ремарки, где проясняется, что главной героине Наташе (Алёна Воронина), пять лет, она не хочет оставаться в садике и просит папу (Герман Овчинников), чтобы тот забрал её. Даже не просит, а умоляет... С первой сцены зритель улавливает страстную, щенячью, патологически искреннюю любовь Наташи к папе. Это и есть сквозная тема пьесы, которая раскрывается по ходу спектакля, показывая героиню то в возрасте пяти лет, то семнадцати, то пятнадцати, то семи.

Ещё будучи маленькой девочкой, Наташа видит в квартире бабушки икону с ликом Иисуса Христа и узнаёт в нем папу (Герман Овчинников, кстати, действительно напоминает Спасителя внешне). Красочное попурри из жизни Наташи носит яркий и одновременно мрачный характер. Всякий раз, когда героиня Алёны Ворониной показывает любовь и привязанность к отцу, она падает к его ногам, страстно обхватывает их, прижимаясь лицом к его ботинкам. В этом есть что-то пронзительное, до мурашек по коже! Но любовь отца сокрыта уж очень глубоко: он ведёт себя с дочерью по-настоящему грубо, часто матерится на неё, отталкивает, а порой и бьёт ни за

Алёна Воронина

Герман Овчинников

что. Одна из блестящих находок в спектакле – что жёсткость показывается интонационно, без физического насилия. Уход от натурализма, некая аккуратность в подаче «жестоких» сцен, делает спектакль ещё более открытым и притягательным. Благодаря таланту, воображению, молодые артисты в пустом пространстве «рисуют» и квартиру, и парк, и дискотечную площадку. Все места действий очевидны, и кажется, что декорации даже мешали бы восприятию.

Основная проблема показана сквозь призму Наташиной откровенности. Ключевая и самая трогательная сцена в спектакле, где дочь говорит отцу: «Папа, ты – мой Иисус, ты – Иисус, папочка!»... Но реакция на этот свет в душе – лишь шутка. Вроде и смешно... а нам так больно за героиню. У Алёны Ворониной – прочувствованная, понятная и пронзительная актёрская работа.

Постановка органична, трагические и комические сцены в ней гармонично дополняют друг друга. В них каждый актёр имеет возможность раскрыть свою личность, будь то колоритный профессор философии (Нарек Бадалян), игривая воспитательница (Илона Волконская), «несчастный влюблённый» Олежа (Максим Долинин), очаровательная бабушка (Гюльнара Гимадутдинова), женственная мама (Валентина Сизоненко) или самовлюблённый ловелас (Антон Жижин). Каждый из актёров сделал свою роль вкусной, яркой – видя это, забываешь об их неопытности.

Спектакль состоит из набросков, этюдов, связанных между собой мечущейся, страдающей Наташей, любящей без остатка икону – её «папу Иисуса».

Лидия Корзун

СВЕТЛАНА БАЖЕНОВА: В ЭТИХ ПЬЕСАХ ЕСТЬ СВЕТ

На конкурсе молодых драматургов «Евразия-2013» Светлана Баженова стала обладателем специального приза в номинации «Пьеса для камерной сцены» с текстом «По-другому».

Расскажите о своём пути к театру, к драматургии.

Я попала в театр лет в 14, моим идейным наставником был Александр Анатольевич Гончарук. Совсем маленькой я играла у него в студии, потом училась у него на курсе, и в 2010 году наш театр приехал на «Коляда-Plays», где я познакомилась с Николаем Колядой и его пьесами. У меня было абстрактное представление о театре в принципе, не говоря о драматургии, об уральской школе.

Как вы начали писать пьесы?

У нас в Омске есть Театр-студия. Там мы репетировали этюдным методом: заранее готовили этюды, которые становились законченными художественными произведениями, и их сразу можно поставить в спектакль.

Особенно интересно было брать классику и даже что-то дописывать. И получались кусочки, которые органично вписывались в пьесу.

Потом режиссёр Анна Бабанова попросила меня написать инсценировку для ТЮЗа, а Александр Анатольевич инсценировку «Золушки». Позднее он предложил поехать учиться на драматурга на заочном отделении. С нашим режимом в театре практически невозможно куда-то ездить, однако, всё получилось. Так я поступила на курс к Николаю Владимировичу.

Как произошёл переход от сказок к тем пьесам, что мы видим сейчас?

Я послушала на семинарах у Николая Владимировича, что пишут люди. И ужасно удивилась тому, какими они могут быть откровенными. На меня большое впечатление произвела пьеса Кати Васильевой «Многоточие». Это была какая-то пьеса-патология. Но, несмотря на печальный финал, в этих пьесах есть свет. Здорово, что к тебе этот свет приходит в результате каких-то переживаний. Тогда я поняла, как хочу писать. И начала пьесу «Мой папа Иисус». Перед ней была одна сказка, а другая – вообще почти комедия «Балерина из фаст-фуда».

Расскажите о героях пьесы «По-другому»?

В нашей жизни очень часто возникает такое явление, когда те люди (не обязательно родственники), которые априори должны быть близкими,

оказываются чужими. И вдруг человек, который один мыкается в этом мире, находит другого такого же человека и они берегут, ценят друг друга. Я специально сделала очень полярных персонажей. Как правило, такие разные, совершенно чужие люди начинают помогать друг другу. Ты очень хочешь быть нужен в этой жизни кому-то. Ты стремишься к чему-то, а счастье вот оно, рядом, под боком, ты его просто не замечаешь. Пьеса и про это.

О чём будет ваше следующее произведение?

Сейчас я написала очень смешную маленькую пьесу из трёх частей, она про детей. Про то, как в их жизни создаётся микромир взрослого мира – мира жестокости, тупости. Я делаю это как разговор в песочнице, но стараюсь преподнести максимально смешно. Чтобы через эту призму показать глупость и абсурдность взрослой жизни.

Поделитесь своими впечатлениями от фестиваля.

Фестиваль – это прекрасно. Николай Коляда – человек-феномен. Он всё время занимается тем, чтобы искусство было, тратит на это всю свою жизнь. Я до сих пор не могу поверить в то, что этот человек реален.

Беседовала Юлия Серебрякова

МОМЕНТЫ ФЕСТИВАЛЯ

На утренние обсуждения спектаклей в Доме актёра можно добраться на фестивальном транспорте – велорикше, получить из рук Николая Коляды свежий номер «Театральной газеты» и в компании участников «Коляда-Plays» выслушать мнения коллегии критиков о показанных накануне спектаклях.

Фотографии: Korolevich и Jane Enenko

«РЫЖИЙ» Екатеринбургский центр современной драматургии

Звучит скрипка – гимн СССР. Звучит пронзительно и оглушающе. В фойе музея «Литературная жизнь Урала XX века» зрители рассредоточены по периметру комнаты. В их глазах некоторая неловкость от того, что действие началось в толпе при общем свете. Зритель любит уходить в тень зала, а тут ему сразу смотрят прямо в глаза. Входит герой – поэт в кожаном пальто и фуражке (Антон Макушин), читает. Скрипка звенит, на ней играет парень в такой же фуражке (StanisLove). Поэт прерывает его взмахом руки – мол, не надо разводить слякоть – проходит через толпу, открывает дверь, зовёт людей за собой. Ему есть что поведать нам о жизни.

Антон сразу затягивает нас в мир поэзии Бориса Рыжего, грубой, резкой, тонкой, хлещущей через край любовью и болью, болью невыносимой. Сочетание простой рабочей мужицкой внешности Антона с глубиной и мудростью его глаз, отражает душу Рыжего. Поэт – это его стихи, стихи – это его душа. В спектакле есть и то, и другое. Плюс ноющая скрипка – постоянная душевная боль, как навязчиво тикающий зубной нерв. Антон-Рыжий снова и снова обрывает резким движением руки музыку, но она вновь и вновь начинает постанывать.

Мы видим улицы Екатеринбурга в онлайн-проекции. Артист буквально обнимает город, глядя на него сверху. Город, похожий на все «города горнорабочего Урала». Есть красота в реальной жизни подворотен, есть безысходность этой жиз-

ни, тупик, непонимание. Поэт хочет сказать об этом людям, говорит, а его не слышат. Три тени (артисты «Театра на ладони»), повторяют его слова языком жестов и отворачиваются – не достучался, не поняли. Они олицетворяют молчаливую, глухую к чужой боли, к голосу разума, толпу. Они выходят вперёд и поют жестами всё тот же гимн под оглушительную фонограмму. Будто само время заглушает голос поэта. Борис Рыжий – поэт советского времени, оно его воспитало, в нём он жил и болел за души человеческие, покорёженные в тот исторический отрезок, когда рушилась империя. Он любил это время, место и этих людей. Зритель чувствует это, глядя в глаза Антону и слушая стихи, которые возникают в хронологическом порядке.

«Я взрослею», – говорит он в начале. И мы наблюдаем взросление, духовное, душевное взросление, видим отчаяние, разочарование в окружающих людях. А заканчивается спектакль отрывком из документального фильма: интервью жены Бориса Рыжего о его смерти. И этот ход режиссёра (Александр Вахов) показался лишним. Антон-Рыжий всё сделал сам, поставил точку в своей истории последним стихотворением Бориса, нагадавшего себе смерть «от вины перед тем, что жив». Открыл дверь и вышел на улицу, где безлюдно и свежо, а мы остались в душной и тесной комнате – очень сильное впечатление. За короткое время с помощью двух десятков стихотворений вдруг узнаёшь человека, поэта, который открыл тебе свою душу, кричал тебе о настоящем, и, не дождавшись ответа, «вышел». Зал плачет.

Ирина Плесняева

«В ТУМАНЕ» фильм Сергея Лозницы

Фильм снят по одноимённой повести Василя Быкова о событиях в Белоруссии во время Второй мировой войны. Это невероятно мощная по атмосфере и накалу обстоятельств картина. Основная аллегория – туман и лес, по которому почти весь фильм бродят главные герои – Сущенья, Буров и Войтик. Трудно найти ответ на главный вопрос, который мучает Сущенью, без вины обвинённого в предательстве: может ли война коренным образом изменить людей? Возможно, в это дикое время люди просто проявляют свою истинную сущность. Яснее показывает себя и сама жизнь.

Даже в мирное время люди часто живут, как в тумане: не зная, кто друг, кто враг, что делать, куда идти и что ждёт впереди. Война особенно отчётливо проявляет и форсирует эту потерянность.

Абсолютно верно выбран на роль партизана Войтика артист «Коляда-Театра» Сергей Колесов. Войтик убедителен: разумный и осторожный, большую часть фильма он словно держится над обстоятельствами, проявляя хладнокровие. Его история открывается нам ближе к финалу фильма, но и до этого персонаж Колесова притягивает к себе внимание. В момент опасности Войтик трусит и становится предателем. Но когда он погибает – его жаль.

Евгения Плясунова

ФИЛЬМЫ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ РЕЖИССЁРОВ

В рамках off-программы фестиваля мы продолжаем смотреть кино. На этот раз – три совершенно разных картины, созданных молодыми уральскими кинематографистами.

Первый фильм «Нарисуй мне маму» снял Андрей Крупин, недавний выпускник драматургического курса Николая Коляды. Важно сказать, что Андрей является не просто режиссёром этого документального фильма, но и инициатором события, о котором фильм рассказывает. А именно – приезда уличных художников из Германии и Москвы в екатеринбургский детский дом.

Это трогательный и светлый фильм о детях, оставшихся без родителей, о тех людях, которые их окружают и поддерживают. Самое замечательное в картине – крупные планы детских лиц, открытых, доверчивых, с глубоким, пронзительным взглядом. Равнодушными они оставить, правда, не могут.

А ещё фильм, конечно, о творчестве как пути к спасению, который, возможно, кто-нибудь из ребят для себя открыл, благодаря общению с молодыми художниками. Не случайно на той картине, что создали немецкие «стрит-артисты», маленькая девочка рисует на чёрном драконе, олицетворении зла, белые цветочки, и тем самым побеждает его.

Режиссёр второго фильма «Человек-театр» студентка ВГИКа Алёна Тремазова родилась на Урале. Картина посвящена Николаю Коляде. Практически весь тридцатиминутный фильм – монолог демиурга нашего фестиваля, который лишь изредка прерывается небольшими вырезками из телепрограмм, ему же посвященных.

Разговор, конечно же, идёт о себе в искусстве и об искусстве в себе. Коляда рассказывает о том, что есть настоящий театр, и

настоящий актёр, о том, почему ему не хочется жить в Москве. Николаю Владимировичу даже не вживую, а с киноэкрана, удалось сорвать аплодисменты, когда он в свойственной ему непосредственно-экспрессивной манере предложил сжечь Кремлевский дворец, с поющим там Стасом Михайловым и полным залом зомбированных зрителей.

А знаете, из чего, по Коляде, возникает театр? Из закулисной тишины. На мой взгляд, в этом заключается суть отношения к своему делу. С одной стороны, работа в театре никого не делает членом высшей касты. С другой – трепетное отношение к искусству не даёт творчество превратиться в быт.

Третий фильм «Коля укрепляет волю» – коллективная работа детской екатеринбургской киношколы «Галилей».

Это постановочная картина про мальчика, которого сверстники из-за избыточного веса и неумения кататься на коньках считают изгоем. Чтобы оправдать надежды своего нового товарища, ещё более неудачливого, чем он сам, Коля, превозмогая себя, всё-таки осваивает нелёгкое мастерство фигурного катания. И даже девочки на катке застыбают и, не веря своим глазам, восклицают: «И правда, Плющенко!». Сценарий также был написан воспитанниками школы, и его несколько излишняя назидательность даже удивляет. Кстати, на показ пришли и сами юные кинематографисты, которых можно поздравить с премьерой.

Инна Афанасьева

Кадр из фильма
«Нарисуй мне маму»

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

СВЕРДЛОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ РОССИИ

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

КУЛЬТУР
МУЛЬТУР

www.kulturmulta.com

apelcin.ru
мы знаем о культуре все